

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. Г. Худокормов¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.81, 330.82

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-2

К Юбилею Московского университета

АДАМ СМИТ, СЕМЕН ДЕСНИЦКИЙ, ИВАН ТРЕТЬЯКОВ: ВЕЛИКИЙ ЭКОНОМИСТ И РУССКИЕ УЧЕНИКИ

В статье исследовано влияние экономических идей Адама Смита на его российских учеников — Семена Ефимовича Десницкого (1740–1789) и Ивана Андреевича Третьякова (1735–1779). Ставится задача доказать, что усилиями этих мыслителей, ставших впоследствии профессорами Московского университета, началось проникновение смитианства в российскую экономическую литературу XVIII в. Методом последовательного текстуального анализа продемонстрированы основные пути и средства идейного воздействия А. Смита на воззрения будущих российских профессоров (критика торговых монополий и неконкурентной среды в банковской сфере, защита свободы торговли, осуждение меркантилистских ограничений). В результате исследований выявлены общее и особенное в экономических позициях первых русских смитианцев. Особо отмечена роль И. А. Третьякова, который впервые познакомил русскую публику с теми элементами трудовой теории стоимости, что сложились в трудах А. Смита в начале 1760-х гг. Главный вывод статьи заключается в том, что под влиянием «шотландского мудреца» его русские ученики стали убежденными противниками крепостного строя. Следуя идеям А. Смита, С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков пришли к осознанию того, что в центре эффективного и динамичного хозяйства должна стоять свободная человеческая личность.

Ключевые слова: история российской экономической мысли, российское смитианство, критика крепостничества.

Цитировать статью: Худокормов, А. Г. (2024). Адам Смит, Семен Десницкий, Иван Третьяков: великий экономист и русские ученики. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 59(6), 19–38. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-2>.

¹ Худокормов Александр Георгиевич — д.э.н., профессор, зав. кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: akhudo52@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7901-2108.

A. G. Khudokormov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: B10, B12, B19, B31

ADAM SMITH, SEMYON DESNITSKY, IVAN TRETYAKOV: GREAT ECONOMIST AND HIS RUSSIAN DISCIPLES

The article examines the influence of Adam Smith's economic ideas on his Russian students — Semyon Efimovich Desnitsky (1740–1789) and Ivan Andreevich Tretyakov (1735–1779). The aim is to prove that the efforts of these thinkers, who later became professors of Moscow University, initiated the penetration of Smithianism into the Russian XVIII century economic literature. The method of sequential textual analysis demonstrates the main ways and means of A. Smith's ideological influence on the views of future Russian professors (criticism of trade monopolies and an uncompetitive environment in the banking sector, protection of freedom of trade, condemnation of mercantilist restrictions). The research reveals the general and special features in the economic positions of the first Russian Smithians. The authors particularly note the role of I. A. Tretyakov, who was the first to acquaint the Russian public with the elements of the labor theory of value developed in the works of A. Smith in the early 1760s. The main finding of the article concerns the influence of the “Scottish sage” on his Russian disciples who became convinced opponents of serfdom system. Drawing on Smith's ideas, S. E. Desnitsky and I. A. Tretyakov came to realising that a free human personality should be at the center of an effective and dynamic economy.

Keywords: history of Russian economic thought, Russian Smithianism, criticism of serfdom.

To cite this document: Khudokormov, A. G. (2024). Adam Smith, Semyon Desnitsky, Ivan Tretyakov: great economist and his Russian disciples. *Lomonosov Economics Journal*, 59(6), 19–38. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-2>

В 2023 г. мир экономической науки отмечал 300-летие со дня рождения основателя экономической теории, классика политической экономии — Адама Смита. В 2025 г. россияне празднуют другой знаменательный юбилей — 270-летие основания Московского университета. Для тех, кто посвятил жизнь экономической науке, особенно для «граждан Московского университета», эти даты связаны. Точно установлено, что учениками Адама Смита были российские студенты, впоследствии — профессора нашей alma mater. Звали студентов великого шотландца Семен Ефимович Десницкий и Иван Андреевич Третьяков. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков прибыли в Глазговский университет в конце 1761 г. и вплоть до ухода А. Смита из университета и его отъезда за границу (в феврале 1764 г.) могли и более того — были обязаны штудировать лекции великого мэтра.

Немного историографии

Идейное влияние Смита на последующие публикации Десницкого и Третьякова изучено довольно тщательно в том, что касается общетеоретических, правовых и социологических концепций (Бак, 1955; Балабанова, 2006; Волков и др., 2006; Коркунов, 1908; Мееровский, 1997; Пролубников, 2014). В отечественной литературе имеются публикации, посвященные их экономическим воззрениям (Бак, 1954; Святловский, 1923). Но до сих пор не выделен специально анализ воззрений Десницкого и Третьякова как первых русских смитианцев в экономической науке².

Рассуждения о Десницком и Третьякове как об учениках Адама Смита находятся на втором и даже третьем плане в трудах такого выдающегося историка-экономиста, как Анатолий Игнатьевич Пашков (1900–1988). В коллективном исследовании по истории русской экономической мысли эпохи феодализма А. И. Пашков скрупулезно анализирует практически все высказывания Десницкого и Третьякова, имеющие малейшее отношение к экономической тематике (Пашков, 1955). Но прямое влияние Адама Смита на позицию его учеников здесь либо скрыто, либо явно недооценено.

И этому есть убедительное объяснение. Первая часть «Истории русской экономической мысли» (под редакцией А. И. Пашкова) была сдана в печать летом 1954 г., а значит, реально создавалась в предшествующую эпоху. До марта 1953 г. в официальной печати СССР безраздельно господствовала точка зрения, согласно которой «русская экономическая мысль развивалась самостоятельно и... ни в коем случае не зависела от западных влияний» (Цвайнерт, 2007, с. 28).

Мы далеки от того, чтобы видеть в трудах А. И. Пашкова «позорный знак советской историографии эпохи Сталина» (цит. по: Цвайнерт, 2007, с. 28). Автор подобных оценок А. Гершенкрон, по всей видимости, наивно полагал, что сам он создавал труды, не подчиняясь социальному заказу. Что же касается поколения историков-экономистов, начинавших путь в науку в годы брежневской «изморози», нам вполне ясны трудности тех ученых, что жили и трудились в «морозную зиму» позднего сталинизма. Наше поколение может гордиться тем, что стоит на плечах таких корифеев, как А. И. Пашков, И. Г. Блюмин, Д. И. Розенберг, Б. Б. Кафенгауз и других исследователей.

Вместе с тем нельзя не видеть, что навязанная сверху тотальная борьба с «низкопоклонством перед Западом» принесла отравленные плоды. В гла-

² Исключением является весьма содержательная публикация Л. А. Муравьевой (Муравьева, 2009). Но здесь воззрения Десницкого и Третьякова сравниваются с содержанием книги А. Смита «Исследования о причинах и природе богатства народов» (1776). Подобное сравнение вряд ли правомерно. Ведь содержание главного экономического сочинения А. Смита осталось для его русских учеников неизвестным.

вах А. И. Пашкова, в частности, недооценка влияния А. Смита привела к тому, что идейная зрелость и самостоятельность его учеников в экономической науке оказались явно завышенными, особенно в вопросах теории товара, стоимости и разделения труда.

Продолжая историографическую тему, отметим, что в весьма содержательной книге Йоахима Цвайнерта (ФРГ) по предыстории и самой истории российской экономической мысли (до 1905 г.) труды Десницкого и Третьякова упоминаются в связи с их восприятием «классического экономического учения» (Цвайнерт, 2007, с. 47–49). Это, видимо, другая крайность, поскольку наиболее важным признаком продвижения вперед в трудах российских мыслителей стала вполне оригинальная (хотя и замумфлированная) критика крепостного права. В этом отношении для нас предпочтительней выглядит позиция А. И. Пашкова, поместившего воззрения Десницкого и Третьякова в главу «Начало критики крепостного строя» (Пашков, 1955, с. 519–587).

По нашему глубокому убеждению, отрицательное отношение к крепостному праву как раз и было той лакмусовой бумажкой, которая отличала прогрессивных мыслителей России второй половины XVIII в. от мыслителей консервативных и реакционных. Недооценка указанного критерия ведет к тому, что в состав русских смитианцев помимо Десницкого и Третьякова зачисляется сама императрица Екатерина Вторая — на том основании, что в ее Наказе 1767 г. имеется несколько критических выпадов против торговых монополий. (Утверждается, что данную критику Екатерина II могла позаимствовать в трудах С. Е. Десницкого (Цвайнерт, 2007, с. 48–49).)

Между тем никакие колебания между либерализмом и дворянским консерватизмом не оправдывают зачисление царицы Екатерины в последовательницы Адама Смита — подлинного сторонника экономической свободы. В период ее царствования издавались указы о праве помещиков ссылать крепостных на каторгу (1765); крепостное право было распространено на часть земель Левобережной Украины (1783), готовилась война против революционной Франции (1795) и т.д.

Лучшей критикой здесь могут послужить строки незабвенного Козьмы Пруткова (А. К. Толстого), специально посвященные екатерининской эпохе (Толстой, 1984, с. 334):

«Madame, при вас на диво
Порядок расцветет, —
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот, —

Лишь надобно народу,
Которому вы мать,

Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».

«Messieurs, — им возразила
Она, — vous me comblez»³, —
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

Что успел передать А. Смит русским ученикам

После краткого историографического очерка нам предстоит разрешить вопрос: каким образом повлияли на будущих московских профессоров воззрения Смита как экономиста. Здесь полезно проанализировать само развитие научных взглядов Смита вплоть до его знакомства с русскими учениками. Ведь как уже отмечалось, содержание его главного труда «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) осталось для Десницкого и Третьякова неизвестным. Необходимо выяснить, с каким багажом научных идей входил Смит в аудиторию, где ему внимали выходцы из далёкой России?

Известно, что будущий автор «Богатства народов» рано пристрастился к чтению серьезных книг. В школе родного Керколди (близ Эдинбурга) он изучал латынь, историю, географию, т. е. первое образование Смита было гуманитарным. В четырнадцать лет Смит успешно сдает экзамены в университет шотландского Глазго. Здесь он слушает лекции по нравственной и натуральной философии, знакомится с началами математики. Расширяется его языковой багаж: уроженец Керколди осваивает азы древнегреческого и французского языков.

Через три года, как отличный студент, Смит был отправлен на учебу в Оксфордский университет. Но здесь его знания прирастали не за счет аудиторных занятий, а благодаря посещению богатой университетской библиотеки. Смит знакомится с классиками английской и французской литературы, читает Вольтера и Монтескье, фундаментальные труды по истории.

Профессора Оксфорда — почти все англиканские священники — заставляли студентов зазубривать «давно отвергнутые идеи», занимались интригами, шпионили за своими воспитанниками. Сами же студенты дважды в день ходили на молитву и только два дня в неделю обязаны были посещать занятия. Позднее Смит писал, что «в Оксфордском университете большинство профессоров уже много лет совсем отказалось даже от видимости преподавания» (Смит, 2009, с. 706). Тягостность пребывания в Оксфорде усугублялось тем, что местные студенты, в основном дети английской знати, подвергали шотландцев, и Смита в их числе,

³ Здесь: Господа, Вы мне льстите. Дословно: Вы засыпаете меня [похвалами].

насмешкам — за бедность, отсутствие изящных манер и шотландский говор. Смит, таким образом, необходимо считать именно шотландским, в лучшем случае — британским, но никак не английским мыслителем.

В целом проведенные в Оксфорде шесть лет Смит считал едва ли не самыми несчастными в жизни. В 1746 г., так и не получив оксфордского диплома, он возвращается на родину, чтобы усиленно заняться самообразованием. Едва достигнув 25-летнего возраста, Смит начинает вести лекционные курсы в Эдинбургском университете — по юридическим наукам, английской литературе, другим темам. В 1750 г. состоялось знакомство Адама Смита с Дэвидом Юмом. Именно в Эдинбурге будущий автор «Богатства народов» впервые начинает задумываться над вопросами экономической жизни.

По признанию Смита (из более позднего письма), он уже в начале 1750-х гг. приходит к обобщениям социально-экономического характера: «Для того чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до внешней ступени благосостояния, нужны лишь мир, лёгкие налоги и терпимость в управлении, всё остальное сделает естественный ход вещей» (цит. по: Аникин, 1968, с. 52).

В 1759 г. выходит в свет первая большая монография Смита «Теория нравственных чувств». Автор критикует здесь отдельные постулаты церковной морали, отстаивает принципы гуманизма и справедливости. Любопытно, что в ряде мест Смит отдаёт предпочтение простым людям перед лицами «высшего звания», его симпатии находятся на стороне человека, живущего «собственным заработком» (Смит, 1997, с. 21).

Известно, что непосредственно перед кончиной (1790 г.) весь личный архив Смита (16 томов) по его просьбе был сожжен. Но, к счастью, сохранились студенческие конспекты его лекций начала 1760-х гг., тех самых лекций, которые могли слушать Десницкий и Третьяков.

Таких счастливых находок несколько (Smith, 1896; Scott, 1937; Gray, 1948). Из них мы узнаем, что до отъезда в заграничную поездку (1764—1767 гг.) в качестве воспитателя молодого аристократа (лорда Баклю) Адам Смит во все возрастающей степени интересовался вопросами экономики и экономической теории. Согласно оценке видного российского экономиста А. В. Аникина, Смит испытывал тогда эволюцию «от нравственной философии к политической экономии» (Аникин, 1968, с. 80—91).

Содержание конспектов лекций начала 1760-х гг. демонстрирует их «большое сходство» с первыми разделами «Богатства народов». По существу, у Смита уже сформировался тогда черновой вариант первых разделов его главного труда «Богатства народов». В конспектах кратко излагается значение разделения труда в создании общественного богатства, выделяются понятия «естественной цены» и рыночных цен, впервые описывается роль труда как «действительной меры» стоимости, проводится различие между производительным и непроизводительным трудом, критикуется

меркантилизм, обосновывается необходимостью свободы торговли (Аникин, 1968, с. 68–80; Аникин, 2009, с. 886–887; Майбурд, 1993, с. 46–47).

О чем говорят данные творческой биографии Смита? Во-первых, они свидетельствуют о том, что в аудиторию, заполненную студентами, в числе которых находились молодые С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков, входил уже вполне сложившийся, зрелый ученый, несомненный эрудит в вопросах общественных наук. Курс по нравственной философии Смита включал в начале 1760-х гг. четыре раздела: естественную теологию, этику, государство и право и «целесообразность» (в основном экономику). Из четвертого раздела как раз и выросло затем «Богатство народов» (Майбурд, 1993, с. 46).

Отметим также, что Смит еще прежде в течение ряда лет читал курс по риторике и «изящной словесности». Как свидетельствовали современники, он вполне овладел искусством яркой, насыщенной речи. Смит, конечно же, не забыл о занудстве своих оксфордских менторов и старался его избегать. Все говорит о том, что молодые москвиты, о которых мы рассказываем, внимали профессору, наделенному недюжинным ораторским талантом.

Несколько слов следует сказать и о личных качествах Смита за пределами университетской аудитории. О них, опираясь на мемуарную литературу, повествует А. В. Аникин. Оказывается, именно Адам Смит привез по просьбе русского посланника будущих студентов Десницкого и Третьякова из Лондона в Глазго, где обучение обходилось тогда дешевле. А. В. Аникин уточняет, что молодые люди не сразу попали на лекции Смита. В первый год необходимо было освоить английский язык. Но в 1762/63 учебном году посещение ими смитовских лекций стало регулярным. По ходатайству Смита россияне получили от Глазговского университета временное пособие, в котором очень нуждались по причине задержки содержания из России. Смит почти каждую неделю приглашал своих русских питомцев домой и угощал их обедом. Несколько раз он водил их на обеды в свой клуб. Словом, старался поддержать в личном плане. Русские студенты в свою очередь платили профессору искренним уважением, а менее робкий в личном общении Десницкий даже познакомил Смита, его близких и знакомых с малороссийскими песнями и вкусом галушек (Аникин, 1968, с. 91–102).

Кратко о жизненном пути учеников Смита

Скажем теперь несколько слов о земном пути и личностном развитии русских воспитанников великого шотландца. Тем более что в их судьбах многое оказалось сходным.

Семен Ефимович Десницкий (1740–1789) и Иван Андреевич Третьяков (1735–1779) не принадлежали к кругу российской аристократии, не были

дворянами по происхождению. И тот, и другой родились в провинции. С. Е. Десницкий был выходцем из нежинских мящан, И. А. Третьяков — уроженцем Твери. Десницкий, по данным биографов, родился в семье священника, возможно, он был «казацкого роду». Третьяков, по всей видимости, также происходил из семьи церковнослужителя.

До поступления в университет оба закончили духовные семинарии; Десницкий — в знаменитой Троицкой Лавре под Москвой, Третьяков — в родной Твери. Известно, что Десницкий учился затем в подготовительной университетской «разночинной гимназии» в Москве. В особом свидетельстве от 27 апреля 1759 г. зафиксирован его перевод из гимназии в Московский университет. Тогда же студентом Московского университета стал И. А. Третьяков.

Год спустя оба они были переведены в Университет при Академии Наук в Петербурге, отбыв отсюда в 1761 г. по распоряжению видного вельможи И. И. Шувалова на учебу в Шотландию. Повторим еще раз: точно установлено, что в Глазговском университете в 1762/63 учебном году им повезло прослушать курс Адама Смита.

Обучение Десницкого и Третьякова в Глазго завершилось успешно. В 1765 г. оба стали магистрами, а затем выдержали экзамен на звание докторов права.

По возвращении в Россию (1767 г.) ученики Смита после положенных испытаний приступили к чтению лекций сначала в должности экстраординарных (вне штата), а затем и ординарных профессоров. Особенно высоко по служебной лестнице вззошел С. Е. Десницкий, став в 1783 г. действительным членом Российской Академии. Трудились Десницкий и Третьяков на Юридическом факультете Московского университета. (Экономических подразделений в нашем университете тогда не существовало. Первая кафедра по изучению политической экономии была создана в 1804 г.)

В процессе научной и преподавательской деятельности С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков выступали в роли видных российских просветителей демократического направления. Вынужденно поддерживая официальную правительственную идеологию «просвещенного абсолютизма», они в то же время были сторонниками ограниченной, по существу — конституционной монархии. Как показывают специальные исследования, С. Е. Десницкий, будучи представителем исторической школы права, «призывал к изучению реальных исторических условий возникновения и развития государства и права, стремился к провозглашению неотъемлемых прав человека», включая право собственности. По его мнению, на основе последнего как раз и возникли государство и право как таковые (см. подробнее: Балабанова, 2006, с. 5–7). Близких государственно-правовых воззрений придерживался И. А. Третьяков.

Несомненной заслугой профессоров С. Е. Десницкого и И. А. Третьякова стало преподавание правовых университетских дисциплин на род-

ном для слушателей русском языке, тогда как прочие профессора читали подобные курсы либо по-немецки, либо по-латыни. Это вызывало постоянные трения и даже ссоры Десницкого и Третьякова, с одной стороны, и значительного числа профессоров немецкого происхождения, — с другой. Высказывается мнение, что данные трения послужили одной из причин раннего ухода сначала Третьякова, а затем и Десницкого на пенсию (Brown, 1975, p. 250). Преждевременная кончина прервала их достойные жизни. Оба скончались, не дожив до 50-летнего возраста.

С. Е. Десницкий как экономист и первый русский смитианец

Характеризуя идейное влияние, которое оказало на русских учеников экономическое учение Смита, подчеркнем еще раз, что само это учение было известно Десницкому и Третьякову не в полной мере. Сам С. Е. Десницкий неоднократно ссылаясь на литературное наследие своего глазговского профессора, но упоминал лишь одну из его книг — «Теорию нравственных чувств» (1759).

Смит характеризуется Десницким как «остроумный» мыслитель, автор «новой системы нравоучительной философии», которая (система), как и труды Д. Юма, была издана «к великому удовольствию ученого света» (Десницкий, 1952, с. 202, 288).

Главное экономическое сочинение Смита «Богатство народов» (1776) не упомянуто Десницким (равно, как и Третьяковым) ни разу. Однако идейное воздействие гениального шотландского экономиста на публикации любого из русских учеников прослеживается достаточно рельефно.

Начнем с прямых заимствований...

Согласно Смицу, человеческое общество проходит четыре исторические стадии, последовательно сменяющие друг друга. Это стадии охотничья, скотоводческая, земледельческая и торговая (торгово-промышленная). Данная схема известна нам из содержания «Богатства народов» (Смит, 2009, с. 651–656). Десницкий же, по всей видимости, познакомился с ней, штудировав более ранние лекции Смита. Он выделяет последовательные «состояния общежития» народов, живущих охотой, пастушеством, хлебопашеством, коммерцией (Десницкий, 1952, с. 272–286).

У Смита торговое (торгово-промышленное) общество — явно буржуазное (Смит, 2009, с. 406). Здесь исчезает феномен личной несвободы, а товары и услуги распределяются «невидимой рукой» рынка. В публикациях же Десницкого «коммерческое состояние» лишь внешне сходно со смитовским «торговым».

Десницкий утверждает, что переход к состоянию, в котором народы «имеют больше случаев менять и продавать свои вещи», — это всего лишь эволюция от «февдалной» раздробленности и вольности к абсолютизму, или дословно: переход от «правления аристократического, состоящего

из вельмож и имеющего над собой государя не полномощного», к государственному устройству, представленному в «благоустроенных и процветающих державах европейских», включая, разумеется, Российскую империю (Десницкий, 1952, с. 286–286).

Десницкий, таким образом, приспосабливается (вынужден приспособиться) к общественным условиям, в которых он живет и работает. И все же смитианская концепция свободной личности как неременной составляющей гражданского общества пробивает себе дорогу. Насколько это возможно, российский мыслитель вслед за Смитом, во-первых, направляет свои высказывания против стеснительных ограничений и привилегий в хозяйственной деятельности и, во-вторых, пусть непоследовательно и завуалированно, но всё же критикует отдельные проявления крепостного права, господствовавшего тогда в России.

Хорошо известно, что Адам Смит выступал против всякого стеснения рыночной свободы, полагая, что только конкурентный рынок может стать основой эффективного хозяйствования. Смит был противником торговых привилегий, разнообразных проявлений монополистического давления на экономику.

Сходную позицию занимает его российский ученик — Семен Ефимович Десницкий. В примечаниях к собственному переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов» (1753) он решительно нападает на «сокровищенствующих миллионщиков» как инициаторов и проводников «не токмо дурной, но и весьма опасной коммерции, когда она вся перевалится в руки немногих богачей». Последние же «своим безмерным достатком задавляют всех прочих и делают такую нечувствительную во всем монополию, или единопродавство, которого ни самое премудрое правительство предусмотреть и отвратить не может» (Десницкий, 1952, с. 290–291).

Очевидно, что Десницкий опирается здесь не только на российскую или любую другую национальную торговую практику, не только на отдельный негативный страновой опыт. Он пишет о вреде «единопродавства» вообще, двигаясь к формированию научного понятия «торговой монополии» в его отрицательной коннотации.

Десницкого, конечно же, невозможно причислить к экономистам-классикам, занятым разработкой системы абстрактных экономических категорий. Смит повлиял на него не столько в плане создания отдельных экономических понятий и определений, сколько в формировании общей либерально-демократической, антифеодальной направленности программы.

Десницкий, например, с явным одобрением отзывается о законе, принятом в ходе английской буржуазной революции XVII в. Согласно этому вердикту, «ни один из подданных не может быть принуждён давать короне ни подати, ни денег займы, ни подарков без согласия на то парла-

ментского». По мнению русского ученого, «в сём установлении имеются ещё и другие премногие выгоды для подданных английских» (Десницкий, 1952, с. 291).

В другом выступлении, опубликованном под заголовком «Слово о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции» (1768), С. Е. Десницкий, подобно передовым деятелям его эпохи, решительно осуждает рабство в Северной Америке, «где европейцы... барышничают людьми, точно как скотиной и вещьми» (Десницкий, 1952, с. 229).

Важной вехой в формировании общественно-экономических воззрений С. Е. Десницкого служит его деятельность в работе Уложенной Комиссии 1767–1768 гг., созванной Екатериной II. Комиссия, как мы помним, была призвана разработать новое законодательство Российской империи. Эта задача осталась невыполненной из-за начавшейся войны с Турцией. Больше Комиссия не созывалась, однако в ходе ее работы было подано около полутора тысяч наказов с изложением требований от дворян, купечества, различных категорий крестьянства (кроме крепостных). Предложения С. Е. Десницкого, поданные в Комиссию, были в числе наиболее смелых и для того времени — прогрессивных.

В опубликованном «Представлении об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768) Десницкий прямо ссылается на известный трактат французского просветителя Шарля Монтескье «О духе законов» (1748), т.е. на одну из любимых книг своего учителя Адама Смита. Он без колебаний поддерживает концепцию Монтескье о разделении властей, приближаясь к программе установления в России ограниченной монархии.

В указанном Представлении Десницкий выступает против наиболее одиозных признаков крепостного права. Он требует запретить продажу крепостных крестьян «в розницу», а также семьями, но без земли. По мнению Десницкого, крестьян нельзя продавать на сторону без их согласия, нельзя своевольно переводить их в дворовые. Если крепостной получил от помещика вольную, возврата его в прежнее состояние быть уже не может (Десницкий, 1952, с. 320–322).

Более того, российский ученый предлагает наделить крепостных «некоторым рядом собственности», видимо, неотчуждаемой, чтобы умножить их трудолюбие. Он же выступает против перевода в состав частновладельческих крепостных черносошных и ясашных крестьян, однодворцев, пахотных солдат, других представителей полусвободного российского крестьянства, «чтобы оных жителей никому не жаловать и не продавать» (Десницкий, 1952, с. 319). А ведь подобная практика была тогда весьма распространенной.

(Известно, что Екатерина II передала приближенным в полную «крещёную собственность» около 800 тыс. государственных крестьян, а ее сын Павел I — примерно 600 тыс. (всего за четыре года царствования).)

Считать Десницкого открытым противником крепостного права, видимо, невозможно. На каждом шагу он прибегает к вынужденным оговоркам, что в экономике России ничего нельзя предпринимать «во вред помещикам»; все изменения следует проводить так, чтобы «всё зависело от воли помещика», чтобы не подавать крестьянам повода «к непослушанию и дерзости». Более того, свои замечания и предложения он обязательно снабжает обращениями к «трудолюбивой монархине», «покровительнице наук» — «премудрая Екатерине», именуюя себя ее «всеподданнейшим рабом». Но ведь и лидер французских физиократов — Франсуа Кенэ, которого учитель Десницкого А. Смит считал теоретическим союзником, тоже регулярно клялся в верности королю и аристократам. Это не мешало ему, по словам К. Маркса, выдвинуть антифеодальную программу, прикрытую феодальной оболочкой (Маркс, 1954, с. 18–19).

Финансовая программа С. Е. Десницкого отчасти напоминает программы буржуазных классиков, включая физиократов и самого Адама Смита. Как отмечают комментаторы, уже в работе «Теория нравственных чувств» (1759 г.), которую читал и изучал С. Е. Десницкий, Смит отдавал предпочтение простым людям перед лицами «высшего звания» (Мееровский, 1997, с. 13). Похожий настрой характерен для многих предложений Десницкого, который, по его словам, занят решением проблемы «как учинить подати легчайшими для народа». С этой целью предлагается запретить включение косвенных налогов в хлебные цены и переложить косвенные налоги на соль, которую «потребляют и дворяне», а также на вино и табак, как предметы роскоши (Десницкий, 1952, с. 329).

Что же касается прямых налогов, то, согласно Десницкому, следует ввести «накладку на имения», включая строения и земли. Правда, действовать надо осторожно, дабы «прямо не задеть помещиков». Открыто потребовать отмены налогового иммунитета дворянства С. Е. Десницкий не мог. Однако общая либерально-демократическая тенденция в развитии его взглядов прослеживается весьма отчетливо. Он пишет, например, что налоги на доходы и имущества должны собираться «по геометрической прогрессии», т.е. с учетом «неравенства состояний». Ему же принадлежит требование отменить либо резко ограничить в России откупную систему, чтобы создать препоны «неверности винных доходов» государства. И наконец, финансовая программа Десницкого предусматривает отмену торговых монополий и внутренних пошлин на всей территории Российской империи (Десницкий, 1952, с. 330).

И. А. Третьяков — последователь А. Смита в экономической науке

На первый взгляд, идейное наследие И. А. Третьякова в сравнении с наследием С. Е. Десницкого должно представлять для нас меньше интереса.

Оно состоит всего из трех небольших публикаций, тогда как Десницкий оставил после себя более десяти работ, включая крупные. И по объему труды Третьякова во много раз короче, чем труды его собрата по студенческой скамье в Глазго (Третьяков, 1952, с. 335–360).

Тем не менее для историка-экономиста публикации И. А. Третьякова имеют ключевое значение. Начать с того, что произведения Десницкого уже в заглавиях тяготеют к тематике из области правовой науки. Значительная их часть посвящена «Юридическим рассуждениям...» на разные темы. Напротив, два очерка Третьякова из трех посвящены историческим темам, включая историко-хозяйственный аспект⁴. Но самое важное для нас заключается в том, что именно И. А. Третьяков является автором работы, где экономические вопросы вынесены на передний план. Мы имеем в виду его «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов» (1772).

Сама формулировка заглавия здесь, несомненно, смитианская, т.е. заимствованная в лекциях будущего автора «Исследования о природе и причинах богатства народов». Правда, в истории российской экономической мысли приоритет открытия темы «скудости и богатства» принадлежит не Третьякову, а талантливому самоучке, «торговому человеку» Ивану Тихоновичу Посошкову (1652–1726). Но «Книга о скудости и богатстве» (1724) Посошкова была впервые опубликована лишь в середине XIX в. и не могла быть известна ученику профессора Смита.

Вспомним, как начинал свое исследование Адам Смит. Первая глава его «Богатства народов» посвящена разделенному труду. Смит пишет: «Ближайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, ... явились, по видимому, следствием разделения труда» (Смит, 2009, с. 69).

Каждый, кто читал книгу Смита, знает, что великий шотландец демонстрировал мощный эффект разделения труда на примере булавочной мануфактуры: ремесленник, производивший английские булавки в одиночку, не смог бы изготавливать в день более 20 булавок; десять рабочих, объединившись в мануфактуре с трудом, разделенным на множество операций, производили 48 тыс. готовых изделий. Продуктивность труда отдельного работника увеличилась, таким образом, в 240 раз (Смит, 2009, с. 69–70). Теперь последуем за И. А. Третьяковым, который с первых страниц «Рассуждений о причинах изобилия и медлительного обогащения государств» обращается к той же теме. И. А. Третьяков пишет: «Если бы часовой мастер или фабрикант (здесь: изготовитель. — *Авт.*) последней вещи, иглы, один собою... сам отправлял, то он едва бы в состоянии был сдавать в год

⁴ Третьяков И. А. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях (1768). Его же: Слово о римском правлении и о разных оною переменах (1769).

одни часы, а в день одну иглу...; в противном случае, через разделение трудов на разные руки премножество таких вещей в один день совершается и достаётся дешевле обществу» (Третьяков, 1952, с. 355).

Мотив разделения труда играет важнейшую роль в теоретической системе Смита. Согласно удачному определению одного из комментаторов, данный мотив служит Смиту своего рода стержнем, соединяющим все части системы в единое целое: «Начиная (в книге I) с пооперационного разделения труда в булавочной мастерской, через разделение труда по отраслям хозяйства (в книге II) и, наконец, приводя к двухсекторной модели: город — село (в книге III), он проходит насквозь всю концептуальную систему “Богатства народов”» (Майбурд, 1993, с. 74).

Надо ли говорить, что в небольшой работе И. А. Третьякова принцип разделения труда не может играть столь всеобъемлющей роли. Тем не менее совпадение начальных ссылок на разделённый труд, конечно же, не случайно, как не случайно и последующее заключение Третьякова о том, что у государства имеются две причины обогащения: «разделение трудов и изобретение художеств» (Третьяков, 1952, с. 355).

(Под художествами тогда разумелись промыслы, или промышленность в принятом широком смысле — от надомного производства до мануфактур.)

В связи с интерпретацией роли разделения труда возникает вопрос, насколько полно русский ученик Смита смог воспринять его трудовую теорию стоимости. Вслед за своим мэтром И. А. Третьяков критикует меркантилистское кредо, согласно которому «государственное богатство заключается во множестве злата и серебра» (Третьяков, 1952, с. 356). Не раз и не два называет русский мыслитель подобное мнение «неосновательным», или «заблуждением». Особенно резко И. А. Третьяков высказывается о доктрине раннего меркантилизма, запрещавшего вывоз монеты за пределы государства. Утверждается, что подобное запрещение превратилось в «главнейшую причину убожества» народного хозяйства Испании: «Когда испанцы завладели рудокопными заводами мексиканскими, количество денег и серебра у них чрезмерно умножилось... Между тем иностранные купцы цены своих товаров возвысили и принудили испанцев покупать вдвое и втрое те вещи, в коих они недостаток претерпевали. И от сего они мало-помалу начали приходить в чувствительный упадок» (Третьяков, 1952, с. 357).

В противовес меркантилизму И. А. Третьяков подчеркивает, что именно «человеческое трудолюбие есть такое средство, которое и имущество и деньги усугубляет», т.е. увеличивает. Далее он же пишет: «Старанием человеческим... дела столь умножены могут быть сколько человеческая сила в состоянии к тому приложить труда» (Третьяков, 1952, с. 356).

И. А. Третьяков предлагает собственную интерпретацию известного парадокса воды и алмазов. Согласно Смиту, суть парадокса заключается

в том, что «предметы, обладающие весьма большой потребительной стоимостью, часто имеют совсем небольшую меновую стоимость или совсем ее не имеют». И далее: «Нет ничего полезнее воды, но на неё почти ничего нельзя купить, почти ничего нельзя получить в обмен на неё. Напротив, алмаз почти не имеет никакой потребительной стоимости, но часто в обмен на него можно получить очень большое количество других товаров» (Смит, 2009, с. 87).

Третьяков начинает с чрезмерно узкого объяснения смитовского парадокса, выделяя лишь один фактор образования стоимости, а именно — редкость того или иного товара: «Вода для того дешева, что мы ею изобильны, в местах безводных и часто в походах её дорого покупают; драгоценные камни до того дороги, что их немного» (Третьяков, 1952, с. 353). Однако в ходе дальнейших рассуждений он приходит к более глубокому заключению: «Злато лежит сокровенно в земных недрах, и к получению малого количества его требуется много времени, труда и изживений (Третьяков, 1952, с. 356).

В другом месте та же мысль о роли труда выражена Третьяковым несколько иначе: «Хлеба и подобных ему припасов всегда в большом изобилии иметь можно, нежели достать злата, серебра, драгоценных камней и проч., ибо одно в ближайшем находится достижении для человеческого трудолюбия, нежели другое» (Третьяков, 1952, с. 356).

Можно ли из этих слов вывести заключение, что И. А. Третьяков был провозвестником трудовой теории стоимости? Наш ответ здесь, безусловно, отрицательный.

Известно, что в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» Смитом сформулирована не одна, а несколько теорий стоимости. Тем не менее в тот ее вариант, согласно которому «труд представляет собой действительное мерило меновой стоимости всех товаров» (Смит, 2009, с. 88), Смит внес ряд существенных инноваций. И практически все они оказались для его учеников недоступными.

В главном произведении Смита четко отделены друг от друга потребительная стоимость (полезность) и меновая стоимость товара; здесь же проведено различие между сложным и простым трудом и высказана идея редукции труда посредством некоторых коэффициентов. Кроме того, Смит ясно понимал различие между «естественной», или «действительной» ценой товара, т.е. его стоимостью, и многочисленными рыночными ценами; в его итоговом сочинении стоимость представлена в виде закона цен. Наконец, в отличие от своих предшественников (У. Петти, Ф. Кенэ и др.) Смит пришел к выводу, что труд является создателем стоимости во всех отраслях материального производства.

В итоговой книге 1776 г. трудовая теория стоимости Смита предстает как научная система, чего, конечно же, не было и не могло быть в публикациях его учеников из России.

И дело здесь не только в том, что И. А. Третьяков не мог познакомиться с содержанием главного труда своего Глазговского профессора. И. А. Третьяков жил и работал в обществе, где не товары, созданные свободным трудом, а земля и крепостные были главными формами богатства. Закрепощенный труд был подневольным, представлял собой нечто вроде «библейского проклятия» и не мог представляться в виде конечной субстанции общественного «довольства».

В чем же тогда состоит научная заслуга И. А. Третьякова? Не только в том, что он основывался на конспектах лекций Смита 1762/63 г. Не впадая в модернизаторство и квасной патриотизм, можно утверждать, что именно И. А. Третьяков впервые в отечественной экономической литературе познакомил российскую публику с теми элементами трудовой теории стоимости, которые сложились у будущего автора «Богатства народов» к началу 1760-х гг., т. е. примерно за 15 лет до выхода его основного труда.

Влияние Адама Смита ощущается и в других важных высказываниях Третьякова. Так, русский мыслитель со всей решительностью выступает против монопольных привилегий в экономике, демонстрируя их вред на примере банковской сферы. (В данном вопросе очевидно его единство с позицией С. Е. Десницкого.)

«Есть средство, — указывает И. А. Третьяков, — и только одно, к отвращению худых следствий, происходящих от подрыва банков, и оное состоит в том, чтобы не позволять пользоваться банками одному, но ободрять умножение оных сколько возможно». Русский ученый подчеркивает: «Где банков много, там вселяется ревность», т. е. конкуренция, и монопольным злоупотреблениям приходит конец (Третьяков, 1952, с. 355). Общая направленность высказываний И. А. Третьякова, возникших под несомненным влиянием Смита, проявляется и в том, что русский профессор благоволил Англии и Голландии, выделяя «цветущее состояние» их коммерции и экономики в целом. И напротив, он же подчеркивает «убожество», «чувствительный упадок» феодальной Испании, закосневшей в догмах меркантилизма (Третьяков, 1952, с. 357).

В критике «февдалных начинаний» И. А. Третьяков вполне самостоятелен, особенно когда ему приходится изобретать скрытые приемы научной полемики. Русский ученый резко осуждает «обстоятельства», от которых «рождается большее число тунеядцев, столь вредных обществу, и не токмо не служащих подпорою государства, но ещё отягощающих оное и съедающих и последние плоды трудящихся немногих» (Третьяков, 1952, с. 359).

Следует помнить, что приведенные строки были обнародованы И. А. Третьяковым всего лишь десять лет спустя после выхода «Манифеста о вольности дворянской» (1762 г.), освободившего российских дворян от обязательной государственной службы. Этот документ, правомочность ко-

торого подтвердила и Екатерина II, предоставил дворянству право на бездеятельность на законных основаниях.

Завуалированная критика бездеятельного дворянства содержится во многих высказываниях И. А. Третьякова. В одном из его исторических сочинений (1768 г.) читаем:

«У древних Солон из купца сделался философом; Сократов отец, будучи сам каменщиком, сына воспитал философом; Демосфенов отец, сам лавочник, сына воспитал ретором (оратором. — *Авт.*). Что же до нынешних учёных, оные все почти такого ж происхождения и существа» (Третьяков, 1952, с. 339). Мы солидарны с теми исследователями, которые видят здесь «намёк на то, что многие передовые учёные были по преимуществу выходцами из недворянской среды» (Поповский и др., 1952, с. 680).

Наконец, в уже упоминавшемся фундаментальном труде по «Истории русской экономической мысли» (под редакцией А. И. Пашкова) приведен многозначный документ, который со всей убедительностью свидетельствует о подлинной позиции И. А. Третьякова по отношению к крепостному праву. В протоколе Университетской конференции, датированном 1768 г. и обнаруженном впоследствии в архивах библиотеки Московского университета, в качестве одной из тем для выступления доктора Третьякова сформулирован вопрос: «Происходит ли наибольшая польза в государстве от рабов или от людей свободного состояния и от уничтожения рабства?» (Пашков, 1955, с. 568). Нельзя не согласиться с А. И. Пашковым, что в данном случае «сама формулировка вопроса не оставляет никаких сомнений в характере ответа» (Пашков, 1955, с. 569). Симптоматично, что большинство членов Конференции поспешило обойти предьявленную тему, предложив И. А. Третьякову избрать более безопасный сюжет для выступлений.

Заключение

Анализ произведений, созданных питомцами Адама Смита — российскими учеными С. Е. Десницким и И. А. Третьяковым, — позволяет сделать следующие выводы.

Не подлежит сомнению, что в 1762/63 г., обучаясь в Глазговском университете, Десницкий и Третьяков имели возможность усваивать идеи профессора Смита и многому у него научились. Хотя содержание главного экономического труда Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) осталось для них неизвестным, ряд экономических идей великого шотландца был им знаком. Встреча российских студентов со своим выдающимся преподавателем произошла на этапе, когда научные интересы Смита эволюционировали от нравственной философии к экономической теории (политической экономии).

И. А. Третьяков, как русский ученый, наиболее полно усвоивший экономические идеи своего гениального наставника, впервые познакомил россиян с такими воззрениями Смита, как благотворное влияние разделения труда на рост общественного богатства, значение «трудолюбия», «иждивения», «старательного труда» в увеличении «народного довольства». Тем самым в отечественной литературе впервые нашли отражение ростки трудовой теории стоимости, которые обозначились во взглядах Смита к началу 1760-х гг.

Влиянием смитианства можно объяснить такие новшества в экономических взглядах российских мыслителей, как демонстрация вреда торговых монополий, или «единопродавства» (С. Е. Десницкий), ориентация на конкурентное соревнование (взаимную «ревность») банков, осуждение на примере Испании меркантилистской политики, сдерживавшей торговую инициативу (И. А. Третьяков). Главное же, что почерпнули русские ученики в лекциях глазговского профессора, заключалось в том, что в центре эффективного, динамично развивающегося хозяйства должна стоять свободная личность.

С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков под влиянием ряда обстоятельств, среди которых не последнюю роль сыграло личное знакомство с гениальным экономистом Адамом Смитом, сложились как демократически мыслящие ученые с прогрессивными для своего времени взглядами. Это обстоятельство особенно рельефно сказалось на их критике наиболее отталкивающих сторон крепостного права. Вуалируя в большей или меньшей степени антифеодальное содержание собственных концепций, ученики и последователи А. Смита, как могли, внушали российской публике, учащейся молодежи неприятие тунеядства, бесчеловечности, преступного своеволия представителей помещичьего сословия.

Первые российские смитианцы — С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков — своей научной, публицистической деятельностью способствовали формированию последующих, более зрелых этапов в развитии отечественной экономической науки. Не подлежит сомнению, что оба они, кто больше, кто меньше, усваивали некоторые идеи будущего автора «Богатства народов», причем на том этапе, когда эти идеи только складывались у Смита в общую экономическую теорию. Началом русской классической школы это не назовешь: в России второй половины XVIII в. для возникновения такой школы не было условий. Воспитанники Смита светили отраженным светом, но для нас, живущих в XXI в., этот свет ценен как еще одно свидетельство зарождения в России плодотворной экономической мысли.

Список литературы

Аникин, А. В. (1968). *Адам Смит*. М.: Молодая гвардия, 80–102.

Аникин, А. В. (2009). Шотландский мудрец: Адам Смит. *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо, 886–887.

Бак, И. С. (1954). Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова. *Вопросы истории*, 9, 104–113.

Бак, И. С. (1955). С. Е. Десницкий — выдающийся русский социолог. *Вопросы философии*, 1, 58–67.

Балабанова, Н. А. (2006). *Государственно-правовые воззрения С. Е. Десницкого*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 5–7.

Волков, В. А., & Куликова, М. В. (2003). *Московские профессора XVIII — начала XX веков*. М.: Янус-К.

Десницкий, С. Е. (1952). *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*: в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 187–332.

Коркунов, Н. М. (1908). *История философии права*. Изд. 4-е. СПб., 245–251.

Майбурд, Е. М. (1993). Введение. Мир Адама Смита. *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов*. (Книги I–III). М., 46–47.

Маркс, К. (1954). *Теории прибавочной стоимости* (IV том «Капитала»). Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 46. Ч. I. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы.

Мееровский, Б. В. (1997). Адам Смит как философ-моралист. *Смит А. Теория нравственных чувств*. М.: Пресса.

Муравьева, Л. А. (2009). Развитие российской экономической мысли во второй половине XVIII века. *Финансы и кредит*, 19, 75–76.

Пашков, А. И. (ред.) (1955). *История русской экономической мысли*: в 5 т. Т. 1. Эпоха феодализма. Ч. 1. IX–XVIII вв. М.: Мысль, 519–587.

Поповский, Н. Н., Барсов, А. А., Аничков, Д. С., Десницкий, С. Е., Третьяков, И. А., Брянецов, А. М., Каверзнев, А. А., Словоцов, П. А., & Козельский, Я. П. (1952). *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*: в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 680.

Пролубников, А. В. (2014). Иван Андреевич Третьяков. *Русская философия. Энциклопедия*. 2-е изд. М.: Книжный клуб Киновек, 646–647.

Святловский, В. В. (1923). *История экономических идей в России*. Петроград: Напечатки знаний, 105–109; 125–126.

Смит, А. (1997). *Теория нравственных чувств*. М.: Республика.

Смит, А. (2009). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.

Сыромятников, Б. И. (1945). С. Е. Десницкий — основатель науки русского правоведения. *Известия*, 3, 33–40.

Толстой, А. К. (1984). *Полное собрание стихотворений*: в 2 т. Т. 1. Л.: Советский писатель.

Третьяков, И. А. (1952). *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*: в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 335–360.

Цвайнерт, Й. (2007). *История экономической мысли в России 1805–1909*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 28–30; 47–49.

Brown, A. H. (1975). Adam Smith's First Russian Followers. *Essays on Adam Smith ed. by Andrew S. Skinner and Thomas Wilson*. Oxford.

Gray, A. (1948). *Adam Smith*. London.

Scott, W. R. (1937). *Adam Smith as Student and Professor*. Glasgow.

Smith, A. (1896). *Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms*. Ed. by E. Cannan. Oxford.

References

- Anikin, A. V. (1968). *Adam Smith*. M.: Young Guard, 80–102.
- Anikin, A. V. (2009). The Scottish Sage: Adam Smith. *Smith A. A Study on the Nature and causes of the Wealth of Nations*. M.: Eksmo, 886–887.
- Bak, I. S. (1955). S. E. Desnitsky is an outstanding Russian sociologist. *Questions of Philosophy*, 1, 58–67.
- Bak, I. S. (1954). Socio-economic views of I. A. Tretyakov. *Questions of History*, 9, 104–113.
- Balabanova, N. A. (2006). *The state-legal views of S. E. Desnitsky*. Abstract, 5–7.
- Desnitsky, S. E. (1952). *Selected works of Russian thinkers of the second half of the XVIII century*: in 2 vols. Vol. 1. M.: State Publishing House of Political Literature, 187–332.
- Korkunov, N. M. (1908). *History of the Philosophy of Law*. Ed. 4, 245–251.
- Marx, K. (1954). *Theories of Surplus Value*. Marx K., Engels F. Writings: in 50 vol. Vol. 46. P. I. M.: State Publishing House of Political Literature.
- Mayburd, E. M. (1993). Introduction. The world of Adam Smith. *Smith A. A study on the nature and causes of the wealth of nations*. (Books I–III), 46–47.
- Meerovsky, B. V. (1997). Adam Smith as a moral philosopher. *Smith A. Theory of moral feelings*. M.: Pressa.
- Muravyeva, L. A. (2009). The development of Russian economic thought in the second half of the XVIII century. *Finance and Credit*, 19, 75–76.
- Pashkov, A. I. (ed.) (1955). *The History of Russian economic Thought*: in 2 vol. Vol. 1. The Era of feudalism. P. 1. IX–XVIII centuries. M.: Mysl, 519–587.
- Popovsky, N. N., Barsov, A. A., Anichkov, D. S., Desnitsky, S. E., Tretyakov, I. A., Bryantsev, A. M., Kaverznev, A. A., Slovtsov, P. A., & Kozelsky, Ya. P. (1952). *Selected works of Russian thinkers of the second half of the XVIII century*. Vol. 1. M.: State Publishing House of Political Literature.
- Prolubnikov, A. V. (2014). Ivan Andreevich Tretyakov. *Russian philosophy. Encyclopedia*. 2-nd ed. M.: Kinovek Book Club, 646–647.
- Smith, A. (2009). *A study on the nature and causes of the wealth of nations*. M.: Eksmo.
- Smith, A. (1997). *Theory of Moral feelings*. M.: Republic.
- Svyatlovsky, V. V. (1923). *The History of Economic Ideas in Russia*. Petrograd: The beginning of knowledge., 105–109; 125–126.
- Syromyatnikov, B. I. (1945). *S. E. Desnitsky — founder of the science of Russian jurisprudence*, 3, 33–40.
- Tolstoy, A. K. (1984). *The complete collection of poems*: in 2 vol. Vol. 1. L.: Soviet writer.
- Tretyakov, I. A. (1952). *Selected works of Russian thinkers of the second half of the XVIII century*: in 2 vol. Vol. 1. M.: State Publishing House of Political Literature, 335–360.
- Volkov, V. A., & Kulikova, M. V. (2006). *Moscow professors of the XVIII — early XIX centuries*. M.: Yanus-K.
- Zweinert, J. (2007). *The History of Economic Thought in Russia 1805–1909*. M.: State Publishing House of GU HSE. 28–30; 47–49.